Б49 6/112

1873 ШПИЛЕВСКИЙ С. ПУТЕШЕСТВИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ...

549 С 112

Б496 112

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II по Волгѣ.

С. Шпилевскаго.

КАЗАНЬ.
Въ университетской типографіи
1873.

Государств. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
М 16542/29

Цензурою дозволено. Казань 5 марта 1873 г.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 16542
8-XII-1929
БИБЛИОТЕКА.

Б 49 / 12

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ПО ВОЛГѢ.

Вышедшій на дняхъ десятый томъ «Сборника Русскаго Историческаго Общества» заключаетъ въ себѣ второй томъ бумагъ императрицы Екатерины II, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Эти бумаги, чрезвычайно интересныя и важныя для исторіи царствованія Екатерины II, печатаются въ хронологическомъ порядкѣ «въ послѣднемъ томѣ—отъ февраля 1765 г. до марта 1771, сюда входятъ и списки съ писемъ императрицы во время путешествія ея по Волгѣ, въ 1767 г. Большинство писемъ Екатерины на имя Н. И. Панина, воспитателя наслѣдника престола; императрица писала ему почти каждый день—со втораго дня пріѣзда въ Тверь 30 апрѣля и до выѣзда изъ Симбирска 8 іюня. Изъ Симбирска Екатерина возвратилась въ Москву сухимъ путемъ. Кромѣ писемъ къ Панину встрѣчаемъ письмо Екатерины къ М. Воронцову изъ с. Кимвръ на Волгѣ, къ митрополиту (*) новгородскому Дмитрію Сѣченову изъ Нижняго-Новгорода и къ извѣстнымъ французскимъ писателямъ—Мармонтелю съ корабля по срединѣ Волги отъ 7 мая, Вольтеру

(*) А не къ архіепископу, какъ называютъ его издатели X т. „Сборника Историч. Общ.“ Объ этомъ см. ниже, примѣч. 9.

изъ Казани (1). Всѣ эти письма Екатерины, кромѣ общаго историческаго интереса, представляютъ особый интересъ мѣстный для Приволжскаго края, послѣднее и побудило меня познакомить съ ними читателей «Камско-Волжской Газеты».

Путешествіе по Волгѣ Екатерина предприняла въ знаменательную эпоху своего царствованія, въ ожиданіи открытія въ Москвѣ комиссіи депутатовъ, призванныхъ со всей Россіи и отъ всѣхъ сословій, для составленія проэкта Новаго Уложенія. Не для удовлетворенія праздная любопытства, не для развлеченія и отдыха отъ государственныхъ дѣлъ, Екатерина предпринимаетъ путешествіе,—а для личнаго ознакомленія съ своимъ обширнымъ государствомъ, что она считала необходимымъ для своей будущей законодательной дѣятельности и лучшаго управленія государствомъ. Путешествіе Екатерины давало ей то, чего она ожидала и отъ депутатовъ законодательной комиссіи. Извѣстно, что о послѣдней, уже послѣ распущенія ея, Екатерина сказала: «Комиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны» (2). Изъ Казани Екатерина писала Панину: «эта Имперія совсѣмъ особенная, и только здѣсь можно видѣть, что значитъ огромное предпріятіе относительно нашихъ законовъ, и какъ нынѣшнее законодательство мало сообразно съ состояніемъ имперіи вообще». Изъ Казани Екатерина писала письмо и Вольтеру, въ которомъ говоритъ о предпринятомъ ею новомъ законодательствѣ для Россіи:—«прошу васъ пред-

(1) Это письмо Екатерины къ Вольтеру уже давно извѣстно: оно было напечатано нѣсколько разъ въ „перепискѣ Екатерины съ Вольтеромъ". Въ Историческомъ Сборникѣ оно напечатано, также какъ и письмо къ Мармонтелю, въ подлинникѣ на французскомъ языкѣ и съ переводомъ на русскій языкъ болѣе исправномъ, сравнительно съ прежними изданіями.

(2) „Разсказы Екатерины II о первыхъ пяти годахъ ея царствованія". *Русск. Архивъ* 1865 г., 2 изд., 488 стр.

ставить себѣ, что эти законы должны служить и Азіи и Европѣ, и притомъ какая разница въ климатѣ, въ людяхъ, въ привычкахъ, даже въ мысляхъ!»

Руководимая такою цѣлью путешествія Екатерина старается хорошенько вглядѣться во все, встрѣчаемое ею на пути, все изслѣдовать, сообразить; она не спѣшитъ своимъ путешествіемъ, останавливается не только во всѣхъ попутныхъ городахъ, но сходитъ на берегъ и для посѣщенія монастырей, селъ, фабрикъ. Путешествіе Екатерины по Волгѣ началось 2 мая, въ этотъ день она сѣла въ Твери на особо устроенную для нея галеру, которая получила названіе «Тверь» ([3]); сопровождавшая императрицу свита около 2000 человѣкъ помѣщалась на другихъ 10 судахъ. Въ свитѣ императрицы находились и иностранные послы, которые сопровождали Екатерину только до Костромы. Путешествіе по Волгѣ окончилось прибытіемъ въ Симбирскъ 5 іюня.

На всемъ пути императрица встрѣчала восторженные пріемы отъ всѣхъ сословій. Я не буду повторять описаній этихъ торжественныхъ встрѣчъ, находящихся въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, между которыми должно указать особенно на сочиненіе кн. Козловскаго «Взглядъ на исторію Костромы», въ которомъ пребываніе Екатерины въ этомъ городѣ описано особенно подробно.

Пребываніе Екатерины въ Казани не имѣетъ такой подробной исторіи. Въ настоящей статьѣ я пользуюсь только письмомъ самой Екатерины, какъ совершенно еще новымъ историческимъ источникомъ. Наканунѣ прибытія въ Кострому Екатерина писала Панину съ галеры передъ

([3]) Галера эта сохраняется въ настоящее время въ Казани, въ особо устроенномъ зданіи въ Адмиралтейской слободѣ. Изображеніе этой галеры, какъ символъ путешествія императрицы по Волгѣ, входитъ въ гербъ г. Костромы, данный Екатериною во время пребыванія ея въ этомъ городѣ. („Взглядъ на исторію Костромы“ *кн. Козловскаго.* М. 1840, стр. 180, прим. 108).

ярославскою пристанью: «корпусъ дипломатическій весьма, кажется, веселъ и ѣдутъ до Костромы, гдѣ дворяне дѣлаютъ великія приготовленія къ моему завтрашнему пріему, къ чему меня пригласили особливыми двумя присланными депутатами, кои то исполнили весьма изрядным комплиментомъ». О пріемѣ въ Ярославлѣ Екатерина писала— «здѣсь, не упоминая о семъ уѣздѣ, разныхъ другихъ уѣздовъ дворяне съ своими предводителями пріѣхали, и всякой in corpore представлены были мнѣ въ архіерейской трапезѣ, которую построилъ патріархъ Филаретъ Никитичъ, по примѣру Грановитой палаты. Tout cela avait un air trés décent». Извѣщая Панина изъ Костромы о томъ, что иноплеменныхъ она отпустила отсюда въ Москву, Екатерина прибавляетъ:—«они вамъ скажутъ, какъ здѣсь я принята была. Я ихъ всѣхъ не однажды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а Ив. Григ. Чернышевъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обхожденія». Но особенно блистательный пріемъ Екатерина встрѣтила въ Казани, интересныя подробности объ этомъ она сама сообщила Панину на другой день по пріѣздѣ въ Казань: «пріемъ мнѣ отмѣнной, намъ отмѣнно онъ кажется; кои четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Естьлибъ дозволили, они-бы себя вмѣсто ковра постлали, а въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобъ предо мною поставить,съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой быть здѣсь не долго, однако, выключая сего эксесса, вездѣ весьма чинно все происходитъ; здѣсь тріумфальныя ворота такія, какъ я еще лучше не видала (4). Я живу здѣсь въ купеческомъ

(4) Описаніе этихъ воротъ было издано въ томъ-же 1767 г. въ Москвѣ подъ слѣдующемъ заглавіемъ: „Описаніе и изъясненіе картинъ и эмблемъ на тріумфальныхъ вратахъ, въ Казани построенныхъ для Всевысочайшаго прибытія Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя, изобрѣтенія и сочиненія Юлія фонъ-Каница, надв. совѣт. и главнаго казанскихъ гимназій командира". Эта чрез-

каменномъ домѣ, девять покоевъ анфиладою, всѣ шелкомъ обитые; кресла и канапеи вызолоченныя; вездѣ трюмо и мраморные столы надъ ними (5). Пребываніе Екатерины въ Казани продолжалось съ вечера 26 мая до 1 іюня. На четвертый день пріѣзда въ Казань Екатерина писала: «намъ здѣсь весьма хорошо и истинно какъ дома». Наканунѣ отъѣзда императрицы изъ Казани 31 мая былъ устроенъ маскарадъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Панину изъ Казани Екатерина описываетъ трогательную сцену встрѣчи ея съ старикомъ Кудрявцовымъ, который приходился дѣдомъ брату Никиты Панина, Петру Ивановичу. «Скажите брату вашему, что вчерась я была въ здѣшнемъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ у воротъ встрѣтилъ меня его дѣдушка, Кудрявцовъ, и такъ мнѣ обрадовался, что поч

вычайно рѣдкая брошюра, не показанная даже въ каталогахъ Сопикова и Смирдина, находится въ моей библіотекѣ, вмѣстѣ съ двумя рукописными сочиненіями Каница—Описаніе иллюминаціи въ 1775 г. по случаю заключенія мира съ Турками и слово произнесенное Каницомъ по этому случаю въ публичномъ собраніи въ митрополичьемъ домѣ. Настоящее заявленіе я дѣлаю, имѣя въ виду сказанное академикомъ Гротомъ, что Каницъ имѣлъ нѣкоторое значеніе въ исторіи нашего образованія, изъ собственныхъ же трудовъ его почти ничего неизвѣстно (соч. Державина, съ объяснительн. примѣч. Я. Грота, Спб. 1869 г. V, 262). Указанныя сочиненія Каница, особено рукописныя, я имѣю право считать экземплярами единственно сохранившимися.

(5) По свидѣтельству *Бажанова* Екатерина останавливалась въ домѣ купца Дряблова, который находился около Петропавловскаго собора. Бажановъ называетъ этотъ домъ нынѣшнимъ (т. е. въ 1847 г.) дворянскимъ (Казанская Исторія. Казань 1847 стр. 77). Прибавлю, что Дрябловъ былъ первымъ городскимъ головою г. Казани, первоначальное учрежденіе и избраніе которыхъ, также какъ и предводителей дворянства, послѣдовало за нѣсколько мѣсяцевъ до путешествія Екатерины. Назначеніе городскихъ головъ и предводителей дворянства первоначально имѣло спеціальною цѣлію — надзоръ за порядкомъ избранія депутатовъ въ комиссію Нов. Уложенія отъ городскихъ жителей и дворянъ. Дрябловъ былъ въ то время владѣльцемъ суконной фабрики, нынѣ принадлежащей Петру Гавриловичу Осокину.

ти говорить не могъ. Я остановилась и съ нимъ начала говорить, и онъ мнѣ сказывалъ, что онъ очень слабъ и почти слѣпъ, и какъ головою все подвигался, чтобъ меня видѣть, то и я гораздо къ нему подвинулась, чѣмъ онъ казался весьма довольнымъ; онъ уже ни ходить, ни одѣваться не можетъ, его водятъ». На слѣдующій день императрица писала Панину, что старикъ Кудрявцовъ подарилъ ей весьма изрядный цугъ лошадей, и она къ нему послала золотую табакерку ([6]).

Среди удовольствій, празднества и торжественныхъ встрѣчъ Екатерина находила время и для удовлетворенія главной цѣли своего путешествія—изучить разнообразіе природы и жителей своего государства. Нѣкоторый отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ путешествія Екатерина представляла въ письмахъ Панину и другимъ лицамъ. Пріятное впечатлѣніе на государыню и всѣхъ сопровождавшихъ ее путешествіе производило не только торжественными пріемами, выраженіемъ народной радости при встрѣчи государыни; но и самая красота приволжской природы увеличивала это благопріятное впечатлѣніе. «Волга не въ примѣръ лучше Невы»—писала Екатерина М. Воронцову, «Ярославль весьма всѣмъ понравился: ситуація не можетъ

([6]) Нефедъ Никитичъ Кудрявцовъ, сынъ извѣстнаго казанскаго вице-губернатора при Петрѣ I, еще въ чинѣ поручика гвардіи Преображенскаго полка участвовалъ въ персидскомъ походѣ Петра Великаго; потомъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ сражался противъ турокъ и татаръ, при Елисаветѣ—противъ пруссаковъ; уволенъ, по прошенію, въ отставку Екатериною II. Этотъ старецъ погибъ во время вторженія Пугачева въ Казань, онъ былъ убитъ мятежниками въ церкви казанскаго дѣвичьяго монастыря, куда былъ перенесенъ въ креслахъ. Когда мятежники ворвались въ церковь, Кудрявцовъ сталъ ихъ обличать, но мятежники отвѣчали ему ударами сабель и копей, уже окровавленный этими ударами старецъ наконецъ палъ бездыханнымъ отъ пули. Въ стѣнахъ монастыря былъ воздвигнутъ памятникъ, возвѣщающій о семъ подвигѣ Кудрявцова. („Словарь Достопамятныхъ людей“ *Бантыш-Каменскаго* М. 1836, III 127, 128).

быть лучше, ярославки лицомъ хороши, а тальею и одѣяніемъ онѣ на mappamonde (7) похожи. Но Нижній-Новгородъ не понравился: «сей городъ ситуаціею прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ». Замѣчательно, что Чебоксары показались лучше Нижняго—«Чебоксары для меня во всемъ лучше Нижняго-Новгорода». О Казани Екатерина пишетъ, что этотъ городъ «всячески можетъ слыть столицею большаго царства». Симбирскъ, также какъ и Нижній, показался очень дурнымъ городомъ—«городъ самый скаредный, дома тамъ лучинки». Послѣ посѣщенія Болгаръ Екатерина писала, что «нашла остатки большіе, но не весьма хорошихъ строеній, Тамерланомъ построеннаго города; два турецкихъ минарета весьма высокіе, и что тутъ не осталось, построено изъ плиты очень хорошей; татары же великое почтеніе имѣютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины. Сему одинъ гонитель, казанскій архіерей Лука, при покойной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, позавидовалъ и много разломалъ, а изъ иныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобъ не вредить и не ломать сію древность».

Благопріятное впечатлѣніе на Екатерину производило и видимое довольство приволжскихъ жителей. «Здѣсь народъ по всей Волги богатъ и весьма сытъ; и хотя цѣны вездѣ высокія, но всѣ хлѣбъ ѣдятъ, и никто не жалуется и нужду не терпитъ». Особенно восторженно Екатерина отзывается о природѣ и довольствѣ жителей, изъ деревни гр. Ив. Григ. Орлова, которая находилась въ 6 верстахъ отъ пригорода Маинска (8). «Хлѣбъ всякаго рода такъ здѣсь

(7) Mappamonde т. е. mappemonde—изображеніе плоскошарія, карта двухъ полушарій, слѣдовательно ярославки своимъ видомъ по тальи и одѣянію, напоминали два полушарія.

(8) „Маинскъ, бывшій при городѣ, Казанской губерніи и провинціи, а нынѣ Симбирской губерніи слобода, стоитъ при рѣчкѣ Майнѣ, впадающей съ восточной стороны въ рѣку Волгу, пониже тамошнихъ

хорошъ, какъ еще не видала; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розаны дикіе, а лѣса иного нѣтъ, какъ дубь и липа; земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на грядахъ не видятъ. Однимъ словомъ сіи люди Богомъ избалованы; я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, что себѣ представить можешь, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду; все есть и все дешево».

Плаваніе по Волгѣ на галерахъ, подъ такимъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ, всѣмъ очень понравилось. Съ галеры между Нижнимъ-Новгородомъ и селомъ Лысковымъ Екатерина пишетъ: «ничего пріятнѣе быть не можетъ, какъ вояжировать безъ устали цѣлымъ домомъ. Истинно, что съ галеры сойти не хочется, и надобно Иванъ Григ. Чернышеву честь отдать, что ничего не позабыто, что можетъ служить къ облегченію толь дальняго пути». Пріятныя впечатлѣнія не нарушались и нѣкоторыми затрудненіями путешествія по Волгѣ на галерахъ, какъ напр. между Тверью и Ярославлемъ пришлось стоять на якорѣ цѣлый день, по причинѣ «противной, сильной и весьма холодной погоды». По пріѣздѣ въ Симбирскъ Екатерина писала: «мы вышли съ галеръ, и всѣ морскіе съ нами разстаются со слезами: такъ имъ полюбилась наша ѣзда».

Знакомство съ приволжскимъ краемъ и его населеніемъ, какъ я уже замѣтилъ, Екатерина считаетъ необходимымъ для своей будущей государственной дѣятельности, путешествіе обогащаетъ ее новыми свѣдѣніями и идеями. Изъ Казани Екатерина пишетъ Панину: «отселѣ выѣхать нельзя: столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, idée же на десять лѣтъ здѣсь собрать можно». Изъ Казани же Екатерина сообщаетъ Вольтеру: «вотъ я и въ Азіи: мнѣ хотѣлось ее видѣть своими глазами. Въ здѣш-

---

славныхъ болгарскихъ развалинъ.“ (Словарь географическій *Щекатова*, М., 1805, IV, 8).

немъ городѣ есть до двадцати различныхъ народовъ, которые не похожи другъ на друга, а между тѣмъ имъ надобно сдѣлать платье, которое бы годилось для нихъ всѣхъ. Относительно общихъ началъ имъ можетъ быть будетъ хорошо, но подробности? И какія подробности! Я сказала, что это почти тоже, что создать міръ, соединить, сохранить и пр. Я не кончу, и однако тутъ еще слишкомъ много всѣхъ образчиковъ».

Собирая необходимыя свѣдѣнія для будущаго законодательства, Екатерина во время самаго путешествія, изучая на мѣстѣ интересы и потребности общества, дѣлала необходимыя распоряженія въ интересахъ мѣстнаго управленія. Изъ Симбирска Екатерина писала Панину: «много разныхъ распоряженій требуютъ разныя команды въ разныхъ путяхъ». Для совѣщанія по пограничнымъ дѣламъ оренбургскаго управленія императрица вызываетъ въ Казань оренбургскаго губернатора. Во время пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ она разсматриваетъ уставъ торговой компаніи въ Нижнемъ-Новгородѣ и полагаетъ собственныя рѣшенія по всѣмъ пунктамъ этого устава, и въ проэктѣ его Екатерина заявляетъ: «понеже купцы Нижняго-Новгорода, по разнымъ заключеніямъ, пришли въ упадокъ по собственному ихъ признанію, того для имѣя о всѣхъ вѣрноподданныхъ равное попеченіе, захотѣла нынѣ во время прибытія въ сей городъ дать поводъ къ исправленію сего упалшаго града». Изъ Нижняго-Новгорода Екатерина писала къ новгородскому митрополиту Дмитрію Сѣченову, по поводу замѣченныхъ ею неустройствъ въ духовномъ управленіи. Нижегородскаго преосвященнаго императрица называетъ человѣкомъ слабымъ, который выбираетъ также сюда слабыхъ или такихъ, которые мало его слушаютъ, «а по большей части всѣ простяки». Государыня жалуется на духъ гоненія, который замѣчается въ здѣшнемъ духовенствѣ, относительно иновѣрныхъ и раскольниковъ. «Сія-же епархія, кажется, весьма достойна особливаго примѣчанія,

ибо число правовѣрныхъ думаю меньше, нежели число иновѣрныхъ и раскольниковъ, и такъ, кажется, нужнѣе всего здѣсь имѣть священство, просвѣщенное ученіемъ, нрава кроткаго и добраго житія, кои бы тихостію, проповѣдію и безпорочностію добронравнаго ученія подкрѣпляли во всякомъ случаѣ Евангельское слово».

Раскольники дворцоваго села Городца приходили къ Ив. Петр. Елагину, сопровождавшему Екатерину, и говорили ему, что «священники съ ними обходятся какъ съ басурманами, и если у кого родится младенецъ, и пошлются по священника, то сей, гнушаясь ихъ, не хочетъ ни молитвы давать, ни крестить младенца» (⁹). Въ Симбирскѣ Екатерина обратила вниманіе на недоимки по соли и вину, въ 107,000 руб., «къ чему послужили какъ кражи, такъ и разныя несчастливыя приключенія». Екатерина была удивлена, что въ Симбирскѣ почти всѣ дома въ конфискаціи; «я не очень знаю, писала Екатерина, схоже-ли то съ здравымъ разсужденіемъ, и не полезнѣе-ли повернуть людямъ ихъ дома, нежели сіи лучинки имѣть въ стран-

(⁹) Въ 1767 г. нижегородскимъ епископомъ былъ Ѳеофанъ (Чарнуцкій), управлявшій эпархіею съ 1753—1773 г. Историкъ нижегородской іерархіи архимандр. Макарій указываетъ на заботливость Ѳеофана о просвѣщеніи инородцевъ. Впрочемъ, какъ видно изъ самого этого сочиненія, Ѳеофанъ продолжалъ дѣло, основанное его предшественникомъ на нижегородской кафедрѣ Дмитріемъ Сѣченовымъ, который въ 1767 г. былъ уже митрополитомъ новгородскимъ и къ которому Екатерина обратилась съ письмомъ по поводу неустройства въ нижегородской іерархіи. Дмитрій Сѣченовъ особенно прославился обращеніемъ инородцевъ, дѣятельность его на этомъ поприщѣ начинается съ назначеніемъ его въ 1740 г. въ Казань архимандритомъ, „для умноженія христіанскаго закона и священнаго утвержденія въ вѣрѣ новокрещенныхъ иновѣрцевъ“. („Ист. нижегород. іерархіи“ архим. *Макарія*, Спб. 1857.) Замѣчу, что неизвѣстно почему, издатели X т. Сборника Историч. Общества называютъ Димитрія архіепископомъ, а не митрополитомъ, между тѣмъ какъ въ IV т. того-же Сборника (стр. 36) онъ правильно называется митрополитомъ. Сама Екатерина въ письмѣ своемъ называетъ его только преосвященнымъ.

ной собственности, изъ которой ни казенныя деньги, ни люди не сохранены въ цѣлости? Я теперь здѣсь упражняюсь сыскать способы, чтобы деньги были возвращены, дома по пустому не сгнили и люди не приведены были вовсе въ истребленіе».

Изученіе мѣстности и занятія по вопросамъ мѣстнаго управленія не лишали императрицу возможности принимать самое дѣятельное участіе въ государственномъ управленіи по дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Ежедневно государыня получала толстые пакеты съ разными бумагами и депеши, она не только не отклонялась отъ дѣла, но желала, искала его, не зная усталости и утомленія; изъ Ярославля Екатерина писала Панину: «изволь-ко мнѣ прислать дѣла, я весьма праздно живу». Въ Чебоксарахъ Екатерину занимаютъ англійскія дѣла; изъ этого пограничнаго съ Азіею, по ея понятію, городка, она пишетъ Панину: «каково-то будетъ въ Англіи, когда лордъ Чатонъ умретъ? Теперь ракомъ идутъ, а тогда вовсе безъ уваженія уже будутъ; удивительно ихъ видѣть нынѣ, въ сравненіи того, что они были въ послѣдней войнѣ.» Во время остановки въ деревнѣ гр. Ив. Григ. Орлова, Екатерину занимаетъ поведеніе шведскаго короля, по этому поводу въ письмѣ къ Панину Екатерина высказываетъ правило, долженствующее руководить поведеніемъ монарховъ,—что ихъ личные интересы должны быть тождественными съ интересами управляемыхъ ими народовъ. Поведеніе короля шведскаго, въ разсужденіи насъ весьма не дружеское, и истинно жалко видѣть все Ихъ Величествъ поведеніе, ежели-бы любили свое государство, то бы имъ все то пріятно было, что служитъ къ благу той земли, надъ которою Богъ имъ опредѣлилъ царствовать; такъ какъ теперь ихъ поведеніе, то кажется, что они—особый, и Швеція особый интересъ имѣютъ, и что они страстные къ себѣ и къ своимъ прихотамъ, нежели къ своей землѣ, что весьма честному человѣку слышать соблазно.»

Только Петръ I,—Великій,—потому что онъ былъ геній—геній труда, можетъ быть, превосходилъ Екатерину II неутомимою и разнообразною дѣятельностію, желаніемъ не только все видѣть, знать, но и дать всему собственную инициативу. Не даромъ и Екатерину II также называютъ «Великою». Разнообразная и неутомимая государственная дѣятельность Екатерины не лишала ее возможности заниматься и литературою, и съ этой стороны своей дѣятельности открывается намъ Екатерина во время путешествія по Волгѣ. Передъ самымъ началомъ этого путешествія Екатерина получила отъ Мармонтеля новое сочиненіе его «Велизарій», съ приложеніемъ посланія къ императрицѣ, въ которомъ Мармонтель говоритъ: «склонность, зачвляемая вашимъ величествомъ къ философіи, есть самый важный залогъ всѣхъ прочихъ добродѣтелей». Екатерина отвѣтила Мармонтелю письмомъ, которое не знала какъ помѣтить: «я на кораблѣ по срединѣ Волги», писала она. «Я была восхищена, читая вашу книгу, и не одна я; она заслуживаетъ быть переведенною на всѣ языки. Велисарій утвердилъ меня въ мнѣніи, что истинная слава исходитъ только изъ началъ, поддержанныхъ Велисаріемъ столь-же пріятно, сколько и основательно». Признаніе Екатерины, что новое сочиненіе Мармонтеля заслуживаетъ перевода на всѣ языки, тотчасъ же переходитъ въ дѣло: во время путешествія по Волгѣ это сочиненіе было переведено на русскій языкъ лицами, сопровождавшими императрицу: И. П. Елагинымъ, гр. З. Г. Чернышевымъ, С. М. Козминымъ, гр. Г. Г. и В. Г. Орловыми, Д. В. Волковымъ, А. В. Нарышкинымъ, А. И. Бибиковымъ, кн. С. Б. Мещерскимъ и Г. В. Козицкимъ. Въ переводѣ принимала участіе и сама Екатерина, ей принадлежитъ переводъ 9-й главы, въ которой изображены качества мудраго и кроткаго государя. Переводъ посвященъ Гавріилу епископу тверскому, посвященіе было написано гр. А. П. Шува-

Объ окончаніи этого перевода Екатерина упо-
ъ въ письмѣ изъ Казани къ Вольтеру. Замѣчатель-
дно мѣсто изъ этого письма Екатерины, которымъ я
оканчиваю настоящую статью: «не лучше-ли будетъ от-
ложить всякое похвальное слово о людяхъ до ихъ смерти
изъ опасенія, чтобы рано или поздно не обманулись въ
нихъ по непостоянству и непрочности всего человѣческаго.
Не знаю, много-ли упоминалось о похвальныхъ словахъ
Людовику XIV послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта: по
крайней мѣрѣ изгнанники не брались за это. Я прошу васъ,
государь мой, употребите ваше вліяніе на ученаго кан-
тона Ури, чтобы онъ не терялъ время на сочиненіе поx-
вальнаго мнѣ слова до моей смерти, если это возможно».
Да, все человѣческое не постоянно и непрочно, импера-
трица Екатерина II сказала этими словами правду и о се-
бѣ: новѣйшіе историки ея царствованія различаютъ время
путешествія ея по Волгѣ и время преслѣдованія Новико-
ва съ его друзьями, Радищева и Княжнина....

С. Шпилевскій.

Перепечатано изъ «Камско-Волжской Газеты» №№ 25 и 26.

([10]) Г. *Галаховъ* (Ист. Русск. Словесности I, 445) заявляетъ, что имена переводчиковъ указаны въ „Russische Bibliothek“ Бакмейстера (ч. 3, стр. 525) и въ „Correspondance de Grimm et de Diderot» (1partie, t. 6). Прибавлю, что имена переводчиковъ и автора посвященія были означены, хотя только отдѣльными буквами (напр. И. П. Е.—Ив. Петр. Елагинъ), при самомъ изданіи этого перевода, вышедшаго въ первый разъ въ Москвѣ въ 1768, а вторымъ тисненіемъ въ Спб. въ 1773 г. подъ заглавіемъ „Велизеръ, сочиненіе господина Мармонтеля члена французской академіи, переведенъ на Волгѣ“.